

ные притязания человека на определенные блага и условия его нормальной жизнедеятельности. От реализации прав человека зависит устойчивость российского общества и государства» [4, с. 569]. Одним из основных условий перехода к устойчивому развитию является обеспечение прав и свобод граждан.

Следовательно, Конституция РФ является фундаментом для построения концепции устойчивого развития страны, а концепция УР, в свою очередь, основывается на правовых положениях основного закона, расширяет их объем, регулирует существующие общественные отношения и моделирует их в перспективе на ближайшие годы.

Конституция — основа стабильности и динамизма России, обеспечивающая организацию государства как общности людей, объединенных одной идеей, под властью права. Глобализация требует интеграции России во все мировые процессы, и основной закон позволяет ее обеспечить [3, с. 31] Правовой потенциал Конституции РФ достаточен для реализации концепции устойчивого развития, создание которой продиктовано требованиями времени и стремлением России стать цивилизованным, передовым и правовым государством.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие : (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 123—135.
3. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. 489 с.
4. Научная основа стратегии устойчивого развития РФ / Г. Н. Селезнев и др. // Безопасность Евразии. 2001. № 4.
5. Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М. : Ноосфера, 1998. 500 с.

ББК 87.21

Г. С. Смирнов

НООСФЕРА В ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

...Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы.

В. И. Вернадский

Оптимистическая преамбула

В творчестве В. И. Вернадского есть один весьма примечательный факт. В 1944 году на 81-м году жизни, тяжело переживая смерть супруги Натальи Егоровны, завершив подготовку своей «книги жизни», он пишет статью «Несколько слов о ноосфере», предназначенную для широкой общественности, в которой утверждает, что в эпоху завершения величайшей и кровопролитнейшей войны, в «буре и грозе», мир вступает в ноосферу. Ноосферный оптимизм человека, идущего навстречу приближающейся

© Смирнов Г. С., 2010

• Серия «Гуманитарные науки»

смерти, говорит об особом типе мировоззрения, возникшем в среде высококультурной классической российской интеллигенции, которой пришлось жить в советскую эпоху.

Это мировоззрение естественно сложилось под влиянием христианской традиции, господствовавшей в России в годы, когда формировалась личность ученого, но в нем присутствует и очень значительный элемент античной философско-мировоззренческой культуры. Ноосферное мировоззрение В. И. Вернадского как особый социокультурный геном, порожденный гениальным российским мыслителем, послужило началом революции сознания в XX веке, но особенно оказывается востребованным в открывшемся третьем тысячелетии. Многие из возникших позднее угроз ученых гениально предвидел, но вся масштабность быстро приближающегося катастрофизма становится ясной лишь сейчас, в веке, первое — разгонное — десятилетие которого уже прошло, а второе, как показывает логика российской истории, всегда знакомит с новым проявлением катастрофизма.

Некоторые наши современники утверждают, что В. И. Вернадский был слишком оптимистичен в своих оценках приближения ноосферы, более того, дальнейшее развитие человеческой цивилизации идет совершенно не в том направлении, которое предчувствовал «первый богослов XX века». Думается, что не наша задача оценивать опыт жизнебытия мудреца, вышедшего за рамки восьмого десятка лет, наша заинтересованность в том, чтобы понять фундаментальный смысл его везде-вечной мысли — особого взгляда на Вселенную, которая породила разум, создала условия для его интенсивного развития на планете Земля и довела развитие человеческого сознания до понимания своей ответственности за дальнейшее его развитие. Самая главная черта мировоззрения В. И. Вернадского — это абсолютная вера в беспредельные силы и возможности разума, более того, разума человеческого — крайне несовершенного, часто заблуждающегося и ошибающегося, но через все преграды пробивающего пути к пониманию Вселенной, помещающей в себе как в лоне робкий, но дерзновенный разум. То, что мы обнаруживаем в творчестве великого мыслителя, это даже не философия разума, а скорее теософия разума, разума в широком смысле слова, включающего не только научный ум, но и философско-религиозное сознание открытого миробытия восходящего человечества. Следует сказать, что современное российское общество (в том числе и его властная вертикаль) еще очень далеко от понимания бесценности наследия, которое оставил России и миру академик В. И. Вернадский.

Показательно, что именно такое отношение к уходящей реальности и такого же рода мировоззренческая парадигма были характерны и для советского ноосферолога профессора Н. П. Антонова [1]. Достаточно познакомиться с его работами последних — предперестроечных, на излете великого Союза — лет, чтобы обнаружить неистребимую веру в победу разума и здравого смысла. В ноосферном сознании и мировоззрении Н. П. Антонова естественно проявился коммунистический пафос, но этот пафос вырос из столько из идеологии, сколько из философско-поэтического понимания мощи человеческого разума. Каждый свободно мыслящий человек в советское время воевал со своими ветряными мельницами, масштаб этих мельниц ни в коей мере не умаляет роль провинциальных донкихотов. Для Н. П. Антонова было характерно ощущение нарастания катастрофичности в развитии чело-

веческой цивилизации, но он хотел (и заставлял себя) верить в реальные возможности преодоления тех колоссальных трудностей, которые замаячили на горизонте в конце XX века.

XX век — век межнациональных и континентальных катастроф

Рождение, рост, развитие и смерть человека — этапы экзистенциальной (персоналистической) истории. В современной техногенной цивилизации человек в значительно большей степени чувствует себя *«человеком катастрофическим»*, ибо более чем когда-либо его бытие может закончиться в любой момент катастрофой. Термин «катастрофа» в русском языке использовался с начала XIX века в смысле «заключительная часть (развязка) в классической (греческой) трагедии» [19, т. 1, с. 386]. В информационном обществе сфера *видимых и невидимых катастроф* интенсивно расширяется. Экзистенциально-катастрофическое сознание человека — это неотъемлемое от существующей «релятивистской» реальности состояние, формирующееся стихийными формами бытия и сознательными формами нейролингвистического программирования (зомбирования) сознания, говоря высоким риторическим языком, от меона и стиля [14].

Рождение, рост, развитие и гибель империй — главное содержание державной (государственной) истории. В этом смысле историческое (в том числе и глобальное историческое) сознание в полной мере предстает как сознание катастрофическое. Только после того, как очередная «буря и гроза» (катастрофа) заканчивается, вместе с очистительным озоном для оставшихся жить приходит ощущение нового будущего. Разум, преодолевший катастрофу, испытывает катарсис геологического восхождения к новым высотам своей космической эволюции.

Так устроена мировая история. Но XX век — уже не век личностных, локальных или национально-государственных катастроф, как это имело место в предыдущие исторические эпохи. Континентальные революции и мировые войны XX века позволяют говорить о нем как о веке полинациональных и континентальных катастроф.

С. Лем о принципе разрушения

Ощущение катастрофичности бытия в XX веке породило вопрос о пределах развития разума. В. И. Вернадский размышлял над этим вопросом в учении о переходе биосферы в ноосферу, показывая исторические этапы цивилизационного и геологического развития разума.

Учитывая опыт XX века, С. Лем спрашивал: *«...должен ли также разум породиться разрушительным катаклизмом? XXI век не ответит на этот вопрос окончательно. Он будет собирать все новые вещественные доказательства, создавая новую картину мира как совокупности случайных катастроф, подчиненных точным законам, но по интересующему нас здесь ключевому вопросу окончательного решения не вынесет. Так что же, в грядущем столетии будет воскрешена теория, созданная около 1830 г. французским палеонтологом и анатомом Кювье и получившая название катастрофизма?»* [10, с. 75]. Эти размышления очень хорошо иллюстрируют движение научного сообщества в сторону синергетики, в то время еще только начинавшей свое триумфальное шествие, а в наше время представляющей самое интенсивно разрабатываемое методологическое течение.

О фазтонизации Земли

Существует оригинальная версия о том, что между орбитами Марса и Юпитера некогда существовала планета Фазтон, на ней обитали разумные существа, до тех пор пока не достигли уровня ядерной цивилизации, а затем, не справившись с нарастающими внутренними противоречиями, взорвали планету в ходе термоядерной войны. Возможен ли подобный сценарий для нашей планеты? Судя по всему, мировая история как раз подходит к подобной развилке.

Впрочем, землян может ожидать не только возможность превратиться в пояс астероидов, но и, как считают некоторые астрономы, возможность исчезновения с лица Земли в результате парникового эффекта — космической катастрофы, подобной марсианской.

Современный человек живет в пространстве беспрецедентного нарастания версий катастрофического развития событий, причем это разнообразие имеет не только количественный, но и качественный характер, при этом версий катастроф значительно больше, нежели стратегий бескатастрофического развития.

XXI век — век глобального катастрофизма

Н. Н. Моисеев — специалист, чье мнение невозможно игнорировать, — спрогнозировал пик глобального кризиса на середину XXI века. К этому же времени относят точку полифуркации и многие другие специалисты. Оптимистический пессимизм Н. Н. Моисеева лишь самая розовая форма в системе катастрофического видения мира. В этом смысле показательна следующая мысль российского ноосферолога: «Говоря об общественных катаклизмах, я предпочитаю терминологию Рене Тома, а не Анри Пуанкаре, ибо абстрактная “бифуркация”, во всяком случае *для моего поколения* (курсив мой. — Г. С.), несет куда меньше трагических ассоциаций, чем томовская “катастрофа”» [12, с. 166].

Первая форма (сознаниевая стадия) ноосферного катастрофизма — «экошок» эпохи 70-х годов XX века, за ним последовали «демошок», «инфошок», а сейчас можно говорить о сведении социальных шоков человеческой цивилизации в «глобальный шок». Человечество медленно осознает, что оно вступило в принципиально иную стадию своего развития — век всеобщих глобальных катастроф, эпоху, с которой ранее ему не приходилось встречаться.

Ноосферный катастрофизм вытекает не только из несовершенства человеческого разума, но в значительной степени из несовершенства социальной природы человека и человечества. Неадекватность социальной организованности, проявляющаяся в беспрецедентной поляризации бедности и богатства и, судя по всему, возникшая в силу того, что человечество не удержалось на пике устремления к коммунистическому развитию, ведет к тому, что ситуативная вероятность социально-глобальных катастроф оказывается значительно выше, нежели вероятность катастроф природных, вызванных отчасти также природой сложившихся социально-экономических, социально-демографических и конфессионально-культурных отношений. Алармизм перерастает в XXI веке в глобальный катастрофизм. Этот факт требует своего фундаментального осмысления.

Талассоолигархия

Противоречие между «золотым миллиардом» и остальным населением мира, сложившееся в период демографического взрыва в XX веке, как пока-

зано С. П. Капицей [8], очень похоже на то противоречие демографического характера, которое возникло как причина Первой и Второй мировых войн.

Современная демографическая девальвация дает некоторую надежду на социальную стабилизацию, но совершенно не исключает возможных потрясений в результате социоприродных катастроф глобального характера. В силу этого не столько государства, сколько всемирная олигархия готовится к наступающим временам катастроф.

Среди современных олигархов проблема самосохранения столь же актуальна, как в эпоху Жюль Верна, но если раньше можно было укрыться на необитаемом острове, то сейчас возможности сократились до олигархической яхты Абрамовича, пусть дорогой и обеспеченной, но все-таки становящейся все более похожей на Ноев ковчег или на «Марию Целлесту», обитателям которой пришлось бросить все и перейти в другое измерение жизни. Современная эпоха, судя по всему, эпоха агонии мировой олигархии в преддверии глобальной социально-экологической революции, требующей пересмотра соотношения между материальными и духовными потребностями человечества.

Глобальная социальная революция

Как и любое новое столетие, XXI век открылся знаками предзнаменований. Человек, сформированный XX веком, так устроен, что видит в этих знаках только предапокалипсические сюжеты и в силу этого строит свои в достаточной степени традиционные формулы объяснения настоящего-будущего, ибо в информационном обществе он, как оказывается, живет в пространстве единого прошлого-настоящего-будущего, которое раньше измерялось пятилетками, а теперь охватывает 10—15, а в некоторых случаях и 20—25 лет. Этот промежуток времени быстро увеличивается, и может стать, что современное человечество уже скоро будет вынуждено жить в пространстве-времени 30—40 лет. Это означает, что человечество вступило в период, который с точки зрения постнеклассики называется точкой бифуркации.

Смысл этого периода различно описывается футурологами и философами. Одни считают, что будущее для человечества с большой вероятностью ограничивается 2012 годом, другие рисуют сценарии «конца истории», третьи — «столкновения цивилизаций» и цивилизационных кризисов [13], четвертые — «глобальной клинической смерти» [7], пятые признают возможности устойчивого развития человеческой цивилизации, шестые — формирования «рационального общества» [11], седьмые — возможности ноосферного развития [15]. В этих вариантах ожидаемого будущего, пожалуй, нет одного варианта, который в традициях подзабытого марксистского понимания развития мира может быть назван «глобальной социальной революцией».

Великая российская социальная революция начала XX века оказала огромное влияние на развитие мировых социальных и технологических процессов. Мир в известной мере развивался в XX веке под диктовку великой социалистической российской империи, не только представившей теоретические конструкции переделки мира, но и осуществившей пассионарным рывком создание нового космического и ядерного бытия в формах, претендующих на конкретно-исторические версии социального и национального мира в рамках одного полюса бытия становящейся глобальности. Пока существовал СССР, мир находился в ощущении «предустановленной гармонии» сопряжения международных и социальных отношений, что и обеспечивало, как это

ни странно будет звучать, устойчивое развитие человечества XX века. «Гибель коммунизма» и разрушение СССР привело к тому, что хищнические инстинкты и призывы потенциальных и актуальных агрессоров перестали сдерживаться и в течение очень короткого времени человечество оказалось в условиях неконтролируемой эксплуатации бедного мирочеловечества со стороны богатого «золотого миллиарда». Уже через 10 лет после разрушения СССР проявил себя первый признак глобальной социальной революции, который политологами и политиками, исповедующими атлантическое мышление, был понят как повод к борьбе с «мировым терроризмом». Всего двадцать лет потребовалось для того, чтобы новый безумный мир обнаружил свои глобально-катастрофические черты.

Разусложнение сложности чаще всего по ступенькам кризисов ведет к катастрофе, а самой большой глобальной катастрофой, очевидно, является разрушение этнонациональной государственности и регионально-национальной экономики, что, впрочем, станет лишь виртуальной («когнитивной») катастрофой — катастрофой для старой, ограничивающей свободу человека этнонациональной культурности. Разрушение всех старых форм эколого-экономической, социально-экономической и социально-культурной жизнеобычности, весьма вероятно, станет глобальной катастрофой человеческой цивилизации в ближайшие три-четыре десятилетия: «техноинформационная биосфера» эффективно проведет «зачистку» всей совокупности отношений каждого конкретного человека с планетарной средой глобального общеобитания.

От теории устойчивого развития к философии катастроф

Человечеству, как и человеку, свойственно убеждать и утверждать себя в «светлом будущем», при этом речь идет и о посюстороннем, и о потустороннем будущем. В каждой культуре в зависимости от социально-экономической и внешнеполитической ситуации работают два видения мира — оптимизм (уверенность, радостность) и пессимизм (алармизм, тревожность). Иногда розовый оптимизм побеждает, и тогда обществу приходится платить за это дорогую цену. Алармизм, сформировавшийся в XX веке, может рассматриваться как прелюдия к формированию философии и психологии глобального катастрофизма, которые могут рассматриваться как попытки выкрутить на самом, может быть, сложном повороте мировой (ноосферной) истории. Н. Н. Моисеев писал о том, что «об устойчивом развитии в его банальной трактовке следует просто забыть: и человечество в целом, и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения, это будет путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И к этому надо быть готовым» [12, с. 220].

Глобальное катастрофическое сознание — как сейчас становится отчетливо видно — наша ментальная реальность, выросшая из понимания самоорганизации бытия, его напряженного «жужжания» перед стартом от одной сложности к другой сложности, который всегда чреват потерей целостности, а подчас и катастрофой.

В мировой истории хорошо видна тенденция нарастания катастрофизма по мере увеличения количества сложных социальных систем. Это особенно заметно в условиях перехода к синергетической методологии конструирования исторических процессов. Философия эволюционизма, овладевшая умами ученых и мыслителей в XIX веке, затмила философию катастрофизма, в XX

веке универсальный эволюционизм стал в значительной степени основанием для формирования стратегии устойчивого развития и даже ноосферного развития, но в новое тысячелетие человечество входит с теоретическими моделями глобального катастрофизма (ярким примером такой смены декораций стала теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона).

Современное глобалистское сознание хорошо представлено в энциклопедии «Глобалистика». Статья «Катастрофа» в энциклопедии фиксирует, что «катастрофа — широкомасштабное, сравнительно быстрое изменение хода событий, приводящее к сверхнормативной смертности, заболеваемости и/или прямым и косвенным социально-экономическим и экологическим переменам, в т. ч. ущербам. Различают природные катастрофы (такие стихийные бедствия, как землетрясения, цунами, извержения вулканов и т. п.) и экологические катастрофы (например, уменьшение водности рек из-за вырубki лесов, опустынивание, радиоактивное загрязнение местности и т. п.)» [6]. Как отдельные проблемы анализируются «Экологическая катастрофа» и «Глобальные климатические катастрофы», но на детальную проработку системы глобальных катастроф международное сообщество глобалистов ставки не делает. Современная глобалистика в значительной степени согласна на концепты «кризисов», «угроз», «проблем», «вызовов», но не катастроф. Думается, что приходит время, когда традиционное христианское апокалипсическое сознание закономерно перерастает в научно-апокалипсическое. Человек апокалипсического мироощущения, как показывает русская история, подчас создает такие образцы искусства, которые обеспечивают спасение и выживание культуры на целые столетия.

Развитие мира многими учеными еще представляется как «устойчиво-ориентированное», однако изменения в человеческой цивилизации столь стремительны, что пришло время глобальной «смены вех».

Стратегия устойчивого развития и как олигархическая теория «золотого миллиарда», и как паранаучная иллюзия в значительной мере девальвирована. Очевидно, наступила пора строить стратегии глобальных катастроф — такой вывод следует из событий первого десятилетия начавшегося века. Думается, что даже несовершенная теория глобальных катастроф значительно более гуманна и прагматична, нежели самая хорошая теория «устойчивости», исчезающей как шагреновая кожа. Даже если в пространство ноосферы не придет брейгелевская «безумная Грета» как символ термоядерной войны, его посетит (как и положено двуликому Янусу разума) смерч носфераты, а деконструкция тексто-бытия обернется деконструкцией самого бытия.

Катастрофведение: синергетика, теория катастроф

Катастрофведение, думается, единственно адекватное выражение когнитивно-эпистемологического аппарата для оценки и прогнозирования состояния грядущего ноосферного перехода. Если раньше версии нулевого, ограниченного или органического роста подпитывали иллюзии стратегии устойчивого развития, то затем оно стало рассматриваться через призму различных пониманий от устойчивого равновесия до относительных равновесий в природе (биосфере) и ноосфере [9]. Очевидно, пришло время, когда теория катастроф (Р. Тома, В. И. Арнольд) с математического и техносферного должна перескочить на социально-праксиологический и социоприродный уровни.

В серии книг «Синергетическая парадигма» постепенно откристаллизовалась форма сопряжения устойчивости и диссипативности (катастрофично-

сти). В *синергетическом сознании* современного человека катастрофизм стал органической составляющей [3]. Человек в век глобальных катастроф должен понимать способы выживания как способы личностного комплементарного *синергетического поведения*.

В катастрофоведении понятия «спонтанная катастрофа», «организационная катастрофа», «организованная катастрофа», «виртуальная катастрофа», «прогнозируемая катастрофа», «когнитивная катастрофа», «катастрофическое сознание», «катастрофическая реакция», «катастрофическое прогнозирование», «знаки катастроф» и др. должны получить адекватное осмысление.

В свое время виртуальный прогноз «ядерной зимы» внес существенные коррективы в изменение глобального сознания, и те обвалы, которые претерпевает Россия последние двадцать лет, могут рассматриваться как убедительные и очевидные знаки будущих, еще более страшных обвалов и катастроф. Современная стратегия, ориентированная на кризисологию с оглядкой на версии прошлых эпох, может оказаться «программой опоздания». Задача, очевидно, заключается в создании философии катастроф (онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии катастроф). Это тем более значимо, что Россия всегда представляла именно как территория масштабных катастроф, это ее качество лишь усиливается, и, вне всякого сомнения, эту тенденцию надо иметь в виду. Еще совсем недавно казалось, что в силу обширности территории Россия представляет собой огромный ледяной материк, подобный Новой земле; желание «подморозить» Россию позволяло отсрочить приход диссипации. Геополитический катастрофизм казался невозможным, но, судя по всему, историческое потепление в России пришло раньше, чем понимание глобального потепления климата. Современная Россия как Антарктида, от которой интенсивно откальваются огромные айсберги, а значит, приходит эпоха катастроф. Думается, что самая большая ошибка коммунистических геронтократов заключалась в том, что они не хотели и не могли представить уже пришедшую перестройку как реальную катастрофу, убеждая себя в том, что ее еще можно избежать. (Предперестроечная чехарда генсеков — яркий пример тому. Лишь А. Громыко, отвечавший за международные отношения и хорошо понимавший положение СССР, очевидно, первым понял, что откладывание прихода молодых лидеров смертельно опасно уже даже не для партии, а для страны в целом.)

Фигура «страуса» и даже «римские гуси» — уже слабые ответы на приближающиеся вызовы: более адекватна формула Хемингуэя, знавшего, «по ком звонит колокол».

«Катастрофа-в-себе» и «катастрофа-для-нас»

Практически все рассматриваемые варианты, называемые катастрофой, в действительности «катастрофы-для-нас», ибо они реально разрушают сложившиеся стереотипы жизни и бытия. Катастрофами как таковыми они не являются, а лишь называются. Это закономерные синергетические процессы, к которым придется привыкать и мириться как с неизбежностью, ибо, как верно заметил Д. Быков, «от нас уже ничего не зависит».

Ноосфера, как ей и положено, родится в «буре и грозе», а параметры возможных состояний *посткатастрофического будущего* скорее всего должны определяться уже сейчас. «Мир без границ», «мир без денег», «мир без воды», «мир без электричества», «мир без власти» — лишь некоторые из

возможных вариантов. Особенно эти прогнозы последствий виртуальных катастроф важны для России, ибо, судя по всему, именно «хартленд» может стать геополитическим разломом ближайшего столетия.

Грядущее великое переселение народов естественно потребует иного понимания происходящих процессов. Девальвация границ и собственности потребует иных императивов поведения в условиях катастроф, а наряду с медициной катастроф потребуются и философия катастроф, и психология катастроф. Компьютерное моделирование катастроф уже сейчас может оказаться одним из самых социально значимых трендов компьютерных игр.

Ноосферные катастрофы

На нашей планете сохранились следы не только биосферных, но и ноосферных катастроф. Разрушения и повреждения разума — столь же обычное дело, как рождение и смерть. Каждый раз смерть человека сопровождается гибелью сферы его разума. Остается лишь информационное бессмертие разумного бытия: другой человек принимает ноосферную эстафету, продолжается жизнь рода и вместе с ним жизнь социокультурного генома.

Не менее обычна и гибель цивилизации и всего опыта ее бытия в земном и космическом пространстве. Ноосферные катастрофы — вечный спутник ноосферной истории, ноосферная эволюция оставляет следы былых ноосфер в той же самой степени, как и биологическая эволюция оставляет следы былых биосфер. Ноосферный опыт человечества — великое достояние истории. Таким образом, **ноосферное развитие представляет собой чередование этапов катастрофического и устойчивого развития.**

Причины возникновения биосферно-ноосферных конфликтов разнообразны: это и нехватка информации, и недостаточность квалификации управленца, неадекватность оценки риска, непонимание размерности среды обитания, рассогласование процессов по времени или в пространстве, несистемное мышление. Одна из возможных стратегий канализации глобальной катастрофы — шенгенизация мировых границ, а затем и ноосферная атомизация — процесс, предполагающий безнациональные и безгосударственные формы самоорганизации коллективного человеческого разума в техноинформационных формах.

Причины возникновения ноосферных катастроф в значительной степени связаны с действием теоремы Геделя о неполноте, т. е. с неподготовленностью людей, принимающих решения в условиях неожиданного явившегося сверхсложного глобального бытия. Практически все региональные катастрофы вытекали из того, что местные власти вынуждены были действовать наугад, вслепую, при огромной нехватке информации или когнитивно-эпистемологических умений и навыков.

Век «управляемых» («направляемых») катастроф

Как показывает история, XX век был веком спонтанных катастроф техногенного и антропогенного характера. XXI век в значительной степени остается таким же, но появляется новое качество, связанное с тем, что теория катастроф (синергетика) позволяет инструментально относиться к нарастающим катастрофизмам, обнаруживать способы канализации катастрофы и — при известных условиях — даже ее контролирование. Самым ярким примером катастрофичности Системы явилась черномыльская катастрофа. Оказывается, практически всегда, когда на первое место выходит личностная жадность или

коллективная алчность, возможность техно-антропокатастрофы или социоприродной катастрофы неизмеримо увеличивается. Алчность как коэффициент катастрофичности работает прежде всего потому, что нарушается антропосоциальная гармония. Механизм рыночно-плана, возникающий в силу сопряжения материально-технического (или, как раньше говорили, материально-экономического) и антропосоциального и духовно-культурного развития, теряет равновесие, и срабатывает «машина катастроф». Плановые отношения в ноосферном развитии выступают графитовыми стержнями рыночной ядерной реакции в котле мировой (и, значит, национальной) экономики. «Управление катастрофами» в XXI веке на основе катастрофологии — центральная задача мирового научного сообщества и власти, а также общества в целом.

Формула катастроф

Ноосферная неравновесность возникает в том случае, когда круговая платформа цивилизационного развития, на краях которой стоят технологические, антропологические, демографические, экономические, культурные и духовные процессы, оказывается неустойчивой в силу крена в одну какую-либо сторону (особенно в том случае, если сама эта биосферно-ноосферная платформа начинает вращаться с ускорением). Возникает реальная возможность, что все «фишки» могут слететь со «стола», и тогда все начнется сначала.

Разум оказывается главным регулятором прихода катастроф. Фактически катастрофа — это признак неразумности данного конкретного национального социального разума (руководителя или руководства страны) или неразумности общечеловеческого коллективного разума. Формула катастроф могла бы, очевидно, включать в себя следующие показатели: *массу разума* (см. ст. А. В. Брагина в настоящем выпуске), выраженную в количестве информации (культурной биогеохимической энергии) с поправкой на религиозно-нравственную составляющую, *демографическую массу*, оказывающую самое сильное влияние на масштабность и вектор катастрофичности, а также коэффициенты *космичности*, определяемые деятельностью солнечной или космической энергии.

Проблема ноосферных катастроф связана в значительной степени еще и с встречающимися цивилизационными потоками культурных биогеохимических энергий, с феноменом «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), т. е. фактически локальных духовно-информационных систем. Противоречие еще не повод для катастрофы, но антимир действительно склонны к социальной аннигиляции (как, например, в результате столкновения «социальных элементарных частиц» с различными *спинами* под названием Гитлер и Сталин).

Гегелевская диалектика, доведенная до философии управляемой катастрофы в социально-материалистической диалектике Маркса, может служить примером философии катастроф (не случайно Гегель считал войну способом разрешения противоречий, а Маркс революцию — повивальной бабкой социального прогресса). Эта мысль не означает, что философия запрограммировала XX век как век катастроф, это означает лишь, что философы точно угадали (поняли, отрефлексировали) главные тенденции надвигающего века. Точно так же многие философы XX века усмотрели в катастрофизме мировых войн и континентальных революций повод для антидиалектических (универсумных, антропоэкологических) философских построений.

Катастрофизм как концепт современного глобального сознания

СМИ в информационном обществе предназначены для формирования массива информации, за истинность и адекватность которой они несут моральную и правовую ответственность. Общество, особенно российское, вышедшее из советского, чрезвычайно трудно обмануть, запах лжи всегда разносится чрезвычайно быстро. В олигархическом обществе, в котором социальное расслоение всегда требует прилаживания реальных действий высших классов, правда драпируется еще более интенсивно, нежели это было в советское время. Более того, очевидно, существует закон, по которому коэффициент децильности одновременно является и показателем «адекватности» средств массовой информации. В условиях российской действительности средства массовой информации в большей степени выполняют роль «неинформации», чтобы не говорить «дезинформации»: псевдоинформация — сообщение без необходимой конкретики — лишает смысла «объективные высказывания».

Глобальное катастрофическое сознание

Главное отличие советской широкой информации от российской широкой информации — смена знака: в советской традиции важно было подавать только позитивное, в современной российской традиции — создать ощущение катастрофичности для каждого жителя каждого региона и страны в целом. Причина формирования «катастрофического вектора широкого сознания» — в установке на ослабление социального недовольства: когда где-то рядом происходит катастрофа, человек более радостно воспринимает свои небольшие беды и проблемы. Но в последние годы катастрофическое сознание постоянно расширяет свой ареал — формируется тотальное апокалипсическое (глобальное катастрофическое) сознание. Масштаб этого факта «приземления» к земной жизни выходит за рамки формулы «Предупрежден, значит вооружен». Зависимость от негатива позволяет исподволь формировать настроение безразличия как к ближней, так и к дальней жизни. Постепенно формируется *глобальное катастрофическое сознание* у широких слоев общества. Эта социальная анестезия позволяет осуществлять довольно рискованные социально-хирургические операции, которые ранее было бы невозможно осуществить.

Психология катастрофобития

Устойчивость общества в условиях нарастающего катастрофизма социо-природного развития может быть достигнута прежде всего за счет гармонизации социальных и экологических отношений. В условиях осознания приближения человечества к всеобщей гибели (в результате космических или внутриземных факторов), весьма вероятно, могут заметно ослабляться факторы борьбы за национальное, социальное и личностное выживание (борьбы всех против всех), на их место могут придти факторы сотрудничества и взаимопомощи. Таким образом, модели Дарвина и Кропоткина потребуют переосмысления в условиях локальных и глобальных катастроф. (Весьма показательны это на примерах романа «Война и мир», когда социальные дистанции настолько сокращаются, что представители высших и низших сословий оказываются одинаково стоящими перед высшими и настоящими ценностями бытия и послебытия. Экзистенциальный социализм эпохи нарастающей катастрофы — признак того, что русская культура, как и любая другая

культура, *справедливоцентрична*, а власть практически всегда навязывает с помощью права свою меру несправедливости, превышение которой всегда ведет к «бунту бессмысленному и беспощадному».)

Заметим, что для российского общества жизнь в условиях *социально-исторической* катастрофичности — дело столь же привычное, как для американского или японского общества — жить в условиях *природной* катастрофичности. При этом оказывается, что в России даже природная катастрофичность — дело рук человеческих (каждый год приход зимы и лета катастрофичны, в одном случае замерзанием систем отопления, в другом — небеспричинными пожарами). По сути дела, человеческая культура и представляет собой в значительной степени форму навыков жизни в «ожидании Годо», в ощущении перманентной катастрофичности бытия.

От универсального эволюционизма к универсальному катастрофизму

В современной науке универсальный эволюционизм иногда рассматривается как синергетика — учение о самоорганизации. Однако терминологический анализ заставляет увидеть различия между ними: в значительной мере синергетика представляет собой единство универсального эволюционизма и универсального катастрофизма. (Проще было бы сказать, что при диалектическом подходе эволюционизм и есть в определенном смысле катастрофизм и наоборот, однако традиция науки разделять эволюционизм Дарвина и катастрофизм Кьюве не позволяет осуществить такое совмещение.)

Библейская история и библейское мирознание наполнено философией социальных и природных катастроф: они возникали каждый раз, когда человеческий разум заходил в тупиковую ветвь своей эволюции. В этой связи философия катастроф, или универсальный катастрофизм, — одна из самых устойчивых мировоззренческих конструкций человеческой истории, лишь в просвещенческую и постпросвещенческую эпоху оптимистический сциентизм заполнил сознаниевое пространство, пока мировые войны не отрезвили человечество от его розовой иллюзорности. Ницше как предтеча катастрофического сознания XX века заставил человечество проснуться от «золотого сна». Современное катастрофическое сознание и философия катастрофизма в известной степени расстаются с религиозным контекстом, приходит сциентистский катастрофизм, который лучше всего выражен в современной синергетике. Создание предпосылок для перескоков («туннельных переходов») с одной ветки социоприродного развития на другую ветку при учете социальных и природных потерь — одна из сложных задач универсального катастрофизма. Смена парадигмы устойчивого развития на парадигму ноосферного катастрофизма предстает закономерной и естественной инверсией в условиях перехода мира в третье тысячелетие. Фактически человечество уже живет в новом глобальном катастрофическом сознании, но пока до конца не осознало это свое новое состояние. В условиях глобальных катастроф у *социальных динозавров* не остается возможностей выжить, они не смогут эффективно транслировать информацию от маленькой головы к весьма отдаленному хвосту. Глобальный социоприродный катастрофизм ближайшего времени предполагает дальнейшую атомизацию, элементаризацию континентально-монолитных систем, что потребует от государств поиска способов спускать «как-если-бы» катастрофы на тормозах (создания катастрофической трибологии) как единственной альтернативы запуска реальной глобальной катастрофы.

Ноосферная трибология

Любой прорыв в будущее имеет свою «отдачу», любое историческое ускорение в силу того, что оно требует антропологического напряжения, предполагает последующее торможение: так в известной степени проявляет себя и техносферное ускорение последних двух веков техноисторического прогресса.

Техносферный и демографический «перегрев» биосферы как своеобразного резервуара человеческой деятельности, как это видно уже сейчас, должен быть смягчен, возвращен в русло оптимума. Этот вывод мирового научного сообщества абсолютно очевиден, и теперь дело заключается в том, чтобы властные структуры, осознав это неблагополучие, осуществили решительные шаги, на которые все равно придется пойти, но, при задержке, — в крайне неблагоприятных условиях.

Те меры, которые были приняты государствами в ходе «зеленой революции» последней четверти XX века, оказались лишь первым — отчасти бессознательным, и потому слабым — торможением неблагоприятных глобальных антропогенных процессов. Сейчас, очевидно, пришло время для очень продуманных и просчитанных торможений разнообразными способами.

На каждое проявление глобальной катастрофы может быть предусмотрена своя адекватная форма оптимального торможения. С. П. Капица в своей книге показал, как осуществляется глобальное торможение в демографическом экстремуме. За один век население Земли увеличилось с 2 до 6 млрд человек. Это не могло не сказаться на обострении противоречий в цивилизационной системе. Две мировые войны, как показано в книге, фактически предстают как процесс самоорганизации в условиях беспрецедентного демографического роста. Таким образом, следует признать, что первый шаг в направлении торможения эксплуатации биосферы был сделан в значительной степени бессознательно — как естественный шаг борьбы за ресурсы для этнонационального развития. Темпы прироста народонаселения замедлились, но рост не прекратился, население Земли продолжает увеличиваться и достигнет максимума в 11 млрд к середине века. В этих условиях формы ноосферного торможения должны проявить свое многообразие.

Первое, на что следует обратить внимание, это социально-экономические проблемы. Великая российская социальная революция, очевидно, была первым признаком того, что стремление к социальной справедливости приобретает не локальный (континентальный или национальный), а евразийский и даже глобальный характер. Русское религиозное стремление к человеческой справедливости приобрело в значительной степени утрированный и примитивный характер, но даже такого рода достижение справедливости показало колоссальные возможности социального, культурного, научного и антропологического развития. Коммунизм (социализм) в его социально-экономическом измерении в эпоху беспределов роста стал шагом назад в формационном и человеческом смысле, ибо оказался «феодальным» коммунизмом. Однако российский пример не только был востребованным для ускорения развития слабых стран, но все больше становится калькой для развития в условиях экстремального социально-экономического торможения. На мировом саммите по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) проблема противоречий между бедными и богатыми странами была осмыслена в достаточной степени откровенно, но результатом стало лишь решение об отчислении 1 % ВВП богатых стран в пользу бедных стран, что не устраняет процесса

обострения этих противоречий. Более того, «гибель коммунизма в XX веке» (З. Бжезинский) лишь обострила противоречия между бедными и богатыми и внутри отдельных стран: например, в России эта диспропорция поражает даже представителей развитых капиталистических стран. Постиндустриализация постсоветской России осуществляется все теми же петровскими и сталинскими (сравнительный анализ требует тщательного внимания социологов, экологов и демографов) методами и механизмами социального манипулирования. Партноменклатурное ядро, выполняющее либерально-олигархический заказ по уничтожению советских культурных архетипов у нового российского общества, действует с той же бескомпромиссной дегуманизацией, как это было при капэсэсном социализме, но с еще большей степенью обмана и самообмана. При этом следует признать, что общество терпит и, очевидно, какое-то время будет еще терпеть *экспроприацию социализма*, позволяющую как можно быстрее пробежать эпоху «ужасного конца». Если процесс десоциализации в России продолжится такими же темпами, то новое издание социальной революции станет неизбежным. Признаки такого неблагоприятного отчета видны уже в настоящее время.

Ноосферная безопасность в век глобальных катастроф

Безопасность разума — формула с двумя сторонами: первая связана с возможностью защиты тонких сфер разума от техногенного и властного безумия, вторая — с условиями защиты общества и человека от жестокосердия разума, от безумия разума. Не всегда быстро можно установить, как происходит дивергенция разума в полубезумие или в крайний случай — социальное безумие. Личностное и коллективное безумие — разные форс-мажорные обстоятельства.

Защита разума от разума — центральная проблема ноосферной безопасности, и сложность ее требует уже не просто учета «массы разума», а «момента импульса разума». Разорванность разума в социокультурном хронотопе неизбежно ведет к нарастанию катастрофичности и в конечном итоге к катастрофам различного уровня.

Россия в тисках западного и восточного катастрофизма

Из древних тысячелетних колоссов на ногах к настоящему времени остались лишь Россия, Индия и Китай. Причины этого в том, что монотопным (однопространственным) империям легче сохранить свое единство, нежели империям поли- и гетеротопным. Разрушение российской и советской империи совершалось путем окраинного откалывания территорий, подобного рода поползновения характерны и для истории Китая, но последний имеет достаточно сил для пространственного самосохранения. История России показывает, что если первые столетия второго тысячелетия были связаны с преодолением восточного ига, то последние пять столетий Россия противостояла западному нашествию. Весьма вероятно, что маятник российского исторического катастрофизма может вновь качнуться в обратную сторону — с запада на восток, и думается, что, как это было в истории, тело России вновь подвергнется расчленению на договорных основаниях между большим Западом и большим Востоком.

Военно-крепостнический социализм в СССР в силу колоссальных личностных возможностей «советского народа» ценой огромных человеческих

потерь смог победить империалистический еврокапитализм, «реальный» социализм стал экстенсивно утверждаться в разных частях света. Когда шествие примитивного социализма по планете было остановлено, когда «рождение и гибель коммунизма» стали историей не только для стран Восточной Европы, но и для самого СССР, то одновременно начался закат и буржуазно-капиталистической модели общественного развития. XX век — век начала вступления в глобальное социалистическое общество, наступающие глобальные катастрофы станут похоронной командой по «реальному капитализму». Очевидно, эпоха «экологического социализма» станет первой ступенькой к провозглашенному К. Марксом коммунизму как строю, при котором материальные и духовные ресурсы станут одинаково доступными для подавляющего большинства населения Земли. Демографическая оптимизация и экологическая стабилизация наряду с общепланетным техно-информационным субстратом будущей цивилизации станут лекарствами для тяжелобольного общества, а Мадлен Олбрайт, провозгласившая, что Россия слишком много отхватила ресурсов и территории и должна поделиться, может рассматриваться как первый представитель будущего глобального ресурсно-экологического коммунизма.

Былые катастрофы

Современная Россия обязана сделать вывод из исторической практики прошедшего века, когда три раза (1905—1917, 1934—1941, 1985—1991) «пагубная самонадеянность» была похожа на игнорирование надвигающейся катастрофы. Самый яркий пример интеллектуальной и прогностической несостоятельности связан с допущением реализации гитлеровского плана «Барбаросса». Ни главнокомандующий, ни военачальники, ни офицеры, ни солдаты не были готовы к катастрофическому варианту развития событий. Все были уверены, что будут воевать на территории противника. Такого рода деморализация армии привела к катастрофе — к тому, что миллионы солдат вынуждены были сдаться в плен. Неготовность к возможности катастрофы деморализует общество; история показала, что лишь через полгода пришло примирение со случившимся, началась борьба народа за свое выживание.

Нечто похожее произошло в период перестройки: эйфория от открывавшихся возможностей заслонила реальные катастрофические направления развития. В научной литературе, предшествовавшей перестройке, такие тенденции не обсуждались, ожидалось лишь эволюционные изменения социализма. При этом в большинстве своем советские люди, да и советские ученые, не могли знать (а если бы знали, то с трудом поверили бы) о неизбежном крахе большевистской системы, который предрекали многие мыслители русского зарубежья.

Доведена ли Россия до самоубийства?

Реквием, который уже прозвучал для современной России [5], свидетельствует о том, что столица в значительной степени уже «отстегнула» не только дальние, но и даже весьма близкие территориально регионы. Поэтому очень важно понять, насколько жизненные силы России еще велики для противостояния диссипативным процессам, или Россия уже готова, как говорится в известном анекдоте, «сдаться Дании в плен». Самое тревожное заключается в том, что в значительной степени население страны смирилось с любым ужасным концом, может быть даже более страшным, нежели последовавшее

после ГКЧП. Если практически все регионы страны дотационные, то, очевидно, система «раздач» закономерно ведет к дезинтеграции. Тотальная антироссийская европеизация как сложившийся факт есть знак распада последней мировой империи, ибо рыночные механизмы, как это сейчас отчетливо видно, чрезвычайно ускоряют центростремительные процессы, и их результаты могут оказаться столь же неожиданными, как Беловежские решения.

Психологическое состояние страны уже не просто «мозаичная шизофрения», а деморализация, похожая на состояние скотины, которую ведут на убой, убеждая, что все сделано для улучшения качества ее жизни.

Очевидно, следует признать, что главным ориентиром любой власти в ближайшие несколько десятилетий будет формула «Все возможно в любой момент и, может быть, даже завтра» (в шутку иногда говорят: «Все будет хорошо — готовьтесь»). Именно это положение, с одной стороны, деморализует власть, но с другой — усиливает народную способность противостоять распаду. Для российской истории (речь идет об эпохах смуты) «час X» всегда связан с тем, что «антинародная власть убита», поэтому народу самому надо начинать новую жизнь. Закономерное отстранение обанкротившейся власти — всегда необходимое условие для проявления народного энтузиазма. Так было в эпоху перестройки, так может оказаться и в эпоху «перестройки-2».

Главная российская катастрофа

Катастрофа — это всегда потеря концепта, потеря системой системообразующего свойства. Антропологическая катастрофа, развернувшаяся в нашей стране в XX веке, одновременно стала и ноосферной катастрофой. С потерей не только количества людей (страна потеряла по средним оценкам около 50 млн жителей, а «абсолютные» цифры говорят, что до 400 млн человек не родилось в России в век континентальных катастроф), но и с потерей качественного разнообразия страна подошла к культурной катастрофе, которая в значительной степени порождает ноосферную катастрофу. Потеря русской социокультурной и социоприродной идентичности (а точнее сказать, не полное и не столь быстрое ее восстановление в системе нарождающегося общенародного государства) в конечном итоге привела к разрушению государственности, построенной на многогранности (многонациональности и многоконфессиональности). Восстановление всей ноосферной палитры российского коллективного разума может рассматриваться как форма становления континентальной ноосферной безопасности.

Российское катастрофическое сознание

В советскую эпоху сформировалась стойкая уверенность, что «жизнь стала лучше, жизнь стала веселее». Попытка снять стресс перед будущим в значительной степени формировала оптимистическое мировоззрение и мироощущение, что явилось, может быть, самым значимым эмоциональным фактором поступательного развития советского общества. Сползание в постсоветское катастрофическое сознание — хорошая прививка для будущего глобального катастрофического сознания, которое интенсивно формируется в наше время, в том числе и как форма «массового», а не только «элитарного» сознания. Апокалипсическое сознание, складывавшееся в эпоху легального тоталитарного православного сознания, судя по всему, сыграло свою значимую роль при подготовке великой российской социальной революции. Гря-

душая социальная катастрофа потребует уже не просто восстановления современных форм православного апокалипсического видения мира, а значительной конкретизации научного катастрофического сознания.

В заключение хотелось бы обратиться к народной мудрости. Существует притча о мальчике-пастухе, который часто звал на помощь селян, крича: «Волки, волки!» Пришло время, когда волки действительно напали на стадо, но ему никто не поверил, на помощь не пришел... Современные размышления о катастрофах могут стать похожими на действия мальчика-пастуха, но в условиях нарастания неопределенности и катастрофичности разум должен быть всегда начеку.

Патогенез и ортобиоз современного российского общества

Уже сейчас видно, что христианский ренессанс в новой олигархической России исчерпывает свой социальный потенциал, для рывка вперед страна должна осмыслить тот гигантский мировой мировоззренческий опыт, который в российской традиции нашел свое воплощение в *синтетической культурной традиции русского космизма*. Думается, что именно этот *русский пантеистический пафос* имеет в своей основе все величайшие достижения цивилизации, которые дали в XX веке миру российские богословы и философы, ученые и инженеры. Таким образом, катастрофизм начала XXI века вызван в значительной степени ноосферной неадекватностью, которая связана не только с техногенной отсталостью, но и с корневой исторической «отвязанностью», незнанием многовековых способов выживания на территории, где в течение предыдущего тысячелетия практически не менялась климатическая ниша. Для России ноосферная катастрофичность вызвана огромными людскими потерями, прежде всего в годы раскрестьянивания и Отечественной войны, в этот период оказались вымороченными деревенские традиции культурного освоения земли, рек и лесов, это второе тело человека (среда обитания) перестало ассоциироваться с высшей ценностью в пределах досягаемости. Край утратил свою самость, как и человек, выросший на самозаветной почве. Понимают ли в столице, что, навязывая голую европейскость региональной культурно-образовательной традиции, они продолжают лишать данную территорию способности к выживанию?

Современное крепостное региональное право столь же губительно для населения региона, сколь оно было губительно для русского крепостного крестьянина. Без региональной свободы бессмысленно ожидать конкурентно-соревновательной среды, которая и создаст возможности для тонкой подгонки экономической жизни края. «Торможение» пространством и временем по-прежнему оказывается главной проблемой неноосферности государственного и муниципального управления.

У каждого региона есть свой ноосферный потенциал и свои ноосферные конфликты. Очевидно, региональная система образования и должна быть нацелена прежде всего на выстраивание региональной идентичности в различных сферах бытия общества.

В чем же выход из положения в условиях нарастающей нестабильности и катастрофичности для мира и для России? Он связан, очевидно, с поиском способа совместить эффективность и системосозидательность государственного управления (управления сверху) с расширением возможностей самоорганизации на низовых уровнях, начиная от личности, вплоть до региональных систем, имеющих возможность на основе информационной достаточности обеспечить

существование социоприродных систем — ноосферных комплексов. Очевидно, самой сложной задачей в этом контексте должна быть информационная достаточность для процессов общегосударственной и народной самоорганизации.

Катастрофогенез и ноосферное развитие

Самыми существенными моментами века глобальных катастроф, требующими тщательного анализа, являются даже не формы государственной власти, не организационные структуры (они в первую очередь рухнут под ударами судьбы), а абсолютно приоритетные природно-хозяйственные и антропоэкологические ситуации. Сохранение человека — носителя культурной биогеохимической энергии и сохранение биосферы (природы) — носительницы космической и биогеохимической энергии в формах генетического разнообразия — важнейшие условия посткатастрофической синергичности.

Приходит катастрофа, и интеллигенция как выразительница конкретно-исторического сознания общества умирает, однако интеллигенция как общечеловеческая субстанция вечна, ибо она есть особый прибор для защиты от «дураков, которые строят дороги», фактор предотвращения катастроф или способ управления катастрофой путем ее осмысления. К сожалению, ни В. И. Вернадский, ни Н. Н. Моисеев не услышаны «властителями» новой России, а значит, следует готовиться к новой российской катастрофе.

Как бы ни складывалась история Земли, в любом случае процесс дальнейшего развития связан с формами ноосферной прогрессии, с процессом постепенного «оразумления разума». Планетарная история (Большая история) свидетельствует о том, что именно (ко)эволюция коллективного разума и человеческой разумности обеспечивает формы ноосферного развития. В этом смысле история разума (или, говоря словами В. П. Казначеева, интеллекта) на планете Земля возможна настолько, насколько возможна коэволюция носителей труда и разума в противоречивой системе культурного человечества. Как говорил В. И. Вернадский, «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [5, с. 302].

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990. 128 с.
3. Буданов В. Г. Программа курса «Синергетика для гуманитариев» // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М. : Прогресс-Традиция, 2007. С. 584—592.
4. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987. 339 с.
5. Гиренок Ф. И. Реквием // Завтра. 2010. № 38. С. 7.
6. Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И. И. Марр, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. 1328 с.
7. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.
8. Капица С. П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М. : Альпиона нон-фикшн, 2010. 192 с.
9. Кожевников Н. Н. От равновесия к равновесию. Концептуальный анализ относительных равновесий в природе. М. : Мысль, 1997. 271 с.
10. Лем С. Принцип разрушения как творческий принцип // Природа. 1987. № 9. С. 68—77.

11. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М. : Изд-во МНПЭУ, 1995. 394 с.
 12. *Моисеев Н. Н.* Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНПЭУ, 1997. 256 с.
 13. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории : (синергетика, психология и футурология). М. : ПЕР СЭ, 2001. 239 с.
 14. *Раков В. П.* Меон и стиль. Иваново ; Шуя, 2010. 448 с.
 15. Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. 396 с.
 16. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
 17. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 584 с.
 18. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.
 19. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка : 13560 слов : в 2 т. 2-е изд., стер. М., 1994. Т. 1. 623 с.
-